

***

прозрачно-золотистая плотва апреля
запуталась в сетях гардин.
давай же загадывать желания,
простые и медленные,
пока лето не наступило желтой пятой великана
на дворцы из спичек, зябких привычек,
не расстегнула косые пуговицы синиц
на кипенных блузках яблонь,
не обнажила пыльную грудь жары.
пока слышна ремонтная мелодия
молотков, острых зеленых коготков -
выстукивание по небесно-голубой зубной эмали.
бросай же серебрянные слова и междометия, как монеты,
в высохший фонтан тишины,
с выцветшим мусором, прошлогодними листьями,
чтобы однажды вернуться из грозового ниоткуда
сквозь роскошное облако, молнию,
сквозь туннель сигаретного пепла -
ты же бросил курить? -
обнявшись с ней, будто два слоненка,
ушами, хоботами,
в розовых сумерках с электрическим начесом

ты думаешь, я взял фальшивую ноту,
как деньги без спроса?

но так все и было, кривые абрикосы -
подслеповатые заядлые дуэлянты -

целились из испорченных мушкетов
в прохожих, машины, в себе подобных
(стволы забиты янтарной смолой, камнями)

и кошка, облезлая, с откушенным ухом,
чем-то похожая на Брюса Ли, боком обходила мусорный
бак

(из бака торчали высохшее деревце клена
и рыжий засаленный зад собаки:

подрагивал, как поплавок)

соседи-язычники, взобравшись на стремянки
из леек опрыскивали простой водой
деревья, и скворечники, и смеющихся птиц,
состригали засохшие косы.

так будь же благословенна, весна,
и первые комары, как присоски,
и странные танцы по вечерам:

маленькие целующиеся водовороты...

в парке под простоволосый «медлячок»
шаркали пары по деревянному настилу,
и кто в ту ночь не танцевал, не двигал красиво попой,
чувствовал себя рассеченным секирой
на полтора землекопа.

***

рассвет притянут к небесам

стальными нитями,

привинчен косыми болтами лучей,

и серые домины выступают из теней,
как крупные зубы из челюсти.

а я смотрю в потолок, и потолок смотрит в меня,
сквозь меня:

и видит книгу Рэя Бредбери и носок под кроватью,
песочная женщина лежит рядом со мной, свернувшись,
как пустыня под тонким слоем снега.

и я могу пальцем вывести на заснеженной коже плеча
«что тебе снилось любимая?»

нежно зачерпнуть песок из ее живота.

я чувствую свои несуществующие крылья -

или это широчайшие мышцы спины постанывают
от удовольствия?

ночное море отступило,

отлив лунности и тьмы обнажил, как проказа,

бородавчатые каркасы

затонувшей реальности,

нашу пустующую одежду, наши сброшенные маски.

искрят водоросли сновидений на люстре,

пучки мерцающего укропа,

и рыбки добровольных галлюцинаций

трепыхаются возле фикуса на подоконнике.

пощечины по воде.

из чего состоит моя жизнь? из любимой
женщины, но я не пускаю ее на второй этаж "я",
где есть терраса, и грозы, и скалы,
сколько миллионов людей задумывались о жизни
и сколько тысяч записали
свои мысли?

и где эти письменники сейчас -

в словах? в чужих душах?

неподобранный космический мусор

бороздит звездные эмпирии по орбите:

гениальные свидетельства

о разуме, о глупости, о жизни.

как будто можно сохраниться в словах. —

автор лишь слепая овчарка у входа в рай.

но есть нечто,

нуждающееся не в бессмертии,

но в вечной жизни - здесь и сейчас,
и это я хочу спасти.

я пишу, пока моя женщина спит,
потом лучшая часть меня спустится на первый этаж,
завтракать, любить, спорить, смеяться,
но другая, неизменная, останется на террасе
смотреть на молнии паукообразные.
может быть, на мне сидит Бог,
как наездник, как третий этаж,
но не могу запрокинуть голову...

да и что я увижу в вышине -
только неба компьютерную заставку?
надпись на звездном коврикe ""you are not welcome"?"
но сейчас утро,
и струится розовый туман надежды,
и фонари понуро выныривают из тумана
как травоядные длинношеие динозавры.
еще один день, еще одна трещина
в пуленепробиваемом стекле террариума
но однажды вечность не выдержит,
лопнут прозрачные преграды...